

Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета)

Коннотативными компонентами, или, что то же, коннотациями, будем называть периферийную часть лексического значения слова, содержащую в себе образно-ассоциативные, эмоциональные или оценочные признаки денотата [4]. Обычно это именно не единичный признак, а комплекс признаков, причем тесно слитых и трудно разложимых. Мы присоединяемся к мнению о том, что расчленение значений на признаки, или компонентный анализ, дает результаты в значительной мере условные, что касается не только коннотативной, но и денотативной части семантики слова. Тем не менее, при анализе значений без компонентной модели попросту невозможно обойтись; она присутствует и в структуралистских построениях, и — имплицитно — в обычных словарных дефинициях, перечисляющих признаки денотата. Поэтому и в данной статье будет применяться компонентное моделирование коннотаций.

Прежде чем перейти собственно к предмету статьи, коснемся еще одного вопроса, который разные лингвисты решают по-разному, а именно, чему принадлежат коннотации — слову или контексту. Здесь у нас нет возможности углубиться в пути решения этой проблемы — даем сразу наш ответ: коннотации в принципе принадлежат слову. Это совершенно ясно в случае постоянных, прочных коннотаций, отраженных в противопоставлении синонимов. Так, слово *конь* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о сильном, благородном животном, а слово *лошадь* коннотирует идею неустанной работы. Но и при отсутствии синонимов коннотации могут закрепляться в слове, возникая в сознании при восприятии отдельного слова и способствуя образованию устойчивых контекстов; особенно показательны контексты метафорические. Слово *золото*, например, несет образные и мотивно-оценочные коннотации «блестящий», «красивый», «ценный», «устойчивый, надежный». В той или иной мере эти качества ощущаются при изолированном восприятии слова, особенно, как нам кажется, признаки блеска и ценности. Указанный комплекс признаков реализуется еще отчетливее в кон-

тексте. Каждый может легко подобрать такие контексты, и нет надобности цитировать их здесь; приведем лишь один пример, где совершенно очевиден контекстообразующий, а не индуцированный контекстом характер коннотаций: «не человек, а золото». Нередки, разумеется, и случаи потенциальных коннотаций, в одних контекстах выступающих вперед, в других — отступающих на задний план. Слово *черный*, например, очень часто реализует признаки чего-то неблагоприятного, зловещего, мрачного, как во фразеологизмах типа «черные мысли» или же, в рамках художественного текста, в словосочетании «черный человек» в одноименном стихотворении С. Есенина. В ряде случаев, однако, эти коннотативные компоненты как бы нейтрализуются: «черные волосы», «черный строгий костюм». Нет никаких оснований думать, однако, что и в таких случаях коннотации принадлежат контексту, а не слову.

Коннотации могут произвести впечатление чего-то эфемерного, чем при строгом лингвистическом анализе можно пренебречь. Это, однако, совсем не так. Коннотативные компоненты, как оказывается, весьма важны и в структуре значения, и в составе семантического поля, и, что отсюда следует, в семантической системе языка. С особой силой это показывают судьбы коннотаций в процессе исторического развития языка. Прежде всего они очень устойчивы (хотя, естественно, и не неизменны). Кроме того, встречаются случаи, когда коннотации в ходе истории усиливаются, образуя новые ЛСВ слова, а иногда и вытесняют прежнее денотативное значение. Первое можно проиллюстрировать переносными значениями (ЛСВ) слова *блестящий* — «великолепный, роскошный» и «выдающийся, замечательный, превосходный» (МАС). Яркий пример второго — развитие английского *glad* от «блестящий» к «радостный»; в древнеанглийском языке существовало только первое (световое) значение, вероятнее всего, с эмотивной коннотацией радости, и в дальнейшем эта коннотация стала значением.

Приложим выдвинутую только что концепцию коннотации к значениям двух русских прилагательных цвета — *черный* и *белый*, взятым в диахроническом плане. Подчеркнем, что нас будет интересовать не весь постепенный ход исторического развития этих значений, а исходное их состояние и конечный результат.

Антонимия древнерусских слов *белый* и *черный*, как показывает в чрезвычайно интересном исследовании В. В. Колесов [3], еще не установилась; он говорит даже о почти полном отсутствии противопоставления этих слов в древних текстах. Здесь, очевидно, отражается этимологическая гетерогенность слов. *Белый*, как известно, восходит к индоевропейскому корню со значением «светить, сиять» (Фасмер), то есть исконно является обозначением света, а не цвета. Что же касается слова *черный*, то его этимологом, насколько можно судить, является

значение не темноты, а цвета — черной или черно-пятнистой окраски (Фасмер). Более древним является противопоставление слов «светлый» и «темный», с самого начала принадлежавших к одному и тому же полю света и темноты.

Свет и темнота как в семантике, так и в прагматике различных языков с давнейших времен противопоставлены друг другу, причем к этому противопоставлению прочно прикреплен эмотивно-оценочный компонент: со светом ассоциируется доброе начало, а с темнотой злое. Эта древняя метафора, несомненно, является семантической универсальной. Тому же закону, естественно, подчиняется и древнерусское противопоставление *светлый — тьмный*. Что же касается интересующей нас пары *белый — чьрный*, то здесь в силу неравновесности денотативной оппозиции, о которой говорилось выше, коннотативная антонимия не выражена столь четко, но она все же есть. Говоря о специфичности древнерусской семантики (в частности, о том, что *белый* противопоставляется скорее слову *чьрвленный*, а *чьрный* почти синонимически соотносится с *синий*), В. В. Колесов в то же время в другом месте приводит очень яркий пример (речь идет о душе): «не известно, она бела ли есть, черна ли» [3, с. 9]. Переносное употребление здесь основано на противопоставлении положительных и отрицательных коннотаций; несмотря на то, что перед нами редкий пример, вряд ли можно сомневаться в том, что его появлению в тексте предшествовало сходное переносное употребление этих слов в других речевых ситуациях. Смысл противопоставления как бы перешел на *белый — чьрный* с пары *светлый — тьмный*; переходным «мостиком» послужила смысловая близость слов *белый — светлый* (есть она и у *чьрный — тьмный*).

Итак, в древнерусском языке уже существовало языковое противопоставление белого и черного — двух полюсов ахроматического цвета, противоположных по яркости; следует признать, однако, что эти обозначения не образовывали еще чистой семантической оппозиции, будучи тесно связаны с обозначениями света и хроматических цветов. В значениях слов «белый» и «чьрный» существовали и коннотации — в упрощенном обозначении соответственно положительная и отрицательная.

Уточним для этих оппозиций признаковый состав коннотаций. Видимо, для *белый* это: 1) физически чистый в противопоставлении грязному (прагматико-бытовая оценка), 2) чистый, свободный от греха (нравственно-религиозная оценка), — ср. приведенный выше пример о душе, 3) красивый. Наличие этого последнего компонента вытекает из распространенного описания человеческого лица — «бел и леп», где оба прилагательных указывают на красоту (МАС). Очень интересны приводимые В. В. Колесовым примеры, где *белый* характеризует стены храмов [3, с. 11]. В этих контекстах выступают в комплексе и денотативный элемент значения — белый цвет, и две коннота-

ции — эстетической оценки и «святости». Достаточно древним, очевидно, является переносное употребление рассматриваемого слова в устойчивых словосочетаниях типа «белая горница» (лучшая, парадная комната), в словарях отмеченных как устаревшие (МАС). Здесь можно усмотреть соединение коннотаций «чистый» и «красивый», с присоединением внутренне сложного компонента «парадный». Как мы видим, в некоторых переносных употреблениях коннотации вытесняют денотат («белая душа», «белая горница»).

Слово *чёрный*, судя по переносным употреблениям, тоже коннотировано достаточно ярко. Прежде всего оно выражает религиозную оценку (в синонимической комбинации с *тёмный* и с сохранением денотативного значения): «Демонн суть... чёрни, тем'ни» (Срезн.). Далее, отрицательная коннотация проявляется в устойчивом словосочетании «чёрнии люди» — простой народ (Срезн.). По этим данным, коннотации для *чёрный* беднее, чем для *белый*, но укладываются в ту же смысловую схему.

Какие же результаты исторического развития рассматриваемой пары оппозитов находим в современном русском языке?

Прежде всего, не только сохранилось, но и укрепилось противопоставление белого и черного и совместное употребление этих слов для выражения контраста. Денотативная противоположность и связь этих слов отмечается в словарях: «белый... противоп. черный» (МАС₁) «черный... противоп. белый» (МАС). Укрепилось и обогатилось и коннотативное противопоставление этих слов. Наконец, развилось энантиосемическое противопоставление, в котором коннотации как бы меняют знак: белое выражает отрицательные оценки, черное — положительные.

Разберем подробнее создавшиеся коннотации, продемонстрировав их на конкретном материале. Чтобы ускорить исследование контекстов, мы рассматривали не любые отрезки текста, а только заглавия. (Как известно, заглавие — сильная позиция текста; оно либо указывает на тему произведения, либо — иногда в неразвернутом, «зашифрованном» виде — передает какую-то связанную с содержанием важную мысль. В связи с этим заглавия дают ценную информацию о содержащихся в них словах). Нам были исследованы заглавия литературных произведений (стихов и прозы) с 1955 по 1985 г., для чего была использована картотека названий, имеющаяся в ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Было обнаружено 193 заглавия со словом *белый* и 89 заглавий со словом *черный* (если заглавия содержали то и другое слово, они включались в один из списков, по первому из них).

Как мы видим, общее число таких заглавий весьма велико (для сравнения мы взяли заглавия со словом *желтый* — их оказалось всего 22). Конечно, эти количественные данные отражают общую высокую частотность рассматриваемых слов в речи, но вместе с тем указывают и на их особую смысловую нагрузку.

Совместная встречаемость слов *белый* и *черный* в заглавии демонстрирует упомянутое выше укрепление оппозиции черного и белого в ходе исторического развития языка. Такого рода заглавий встретилось 13. Вот характерные примеры: «Белое и черное» (рассказ В. Астафьева), «Белое и черное» (стихи Е. Евтушенко), «Белое и черное» (роман А. Котова) и др.; «Черное и белое» (рассказ, с бурятского¹), «Черные дела белой водки» (рассказ) и др. Почти во всех случаях (кроме, возможно, заглавия рассказа «Черно-белые улицы», где речь идет о свете) противопоставление основано на коннотациях (упрощенно говоря, белое — положительное, черное — отрицательное). В одном случае использовано устойчивое словосочетание — «Белые шары, черные шары» (повесть), но и здесь ясно ощущается оценочное противопоставление — голоса «за» и голоса «против».

Часто прилагательные в заглавиях образуют свободные словосочетания в своем прямом денотативном значении, например, «Белые флоксы» или «Черный баран». Но в целом ряде случаев к образу цвета присоединяются те или иные коннотации. Это особенно касается прилагательного «белый» (в частности, с названиями животных): «Белые лебеди», «Белые кони», «Белые птицы» (заглавия повторяются) — здесь ясно чувствуются положительные коннотации. Любопытно, что встретились и архаичные коннотированные словоупотребления: «Белая горница» (рассказ В. Лигутина), «Белая изба» (с башкирского).

Основа коннотативной оппозиции, как мы видим, по сравнению с древнерусским языком не изменилась: это «положительное» и «отрицательное», «добро» и «зло». Но, как и следовало ожидать, изменилось конкретное содержание коннотативных элементов. Первым ассоциативным признаком для древнерусского слова *белый* мы поставили «чистый» (в противопоставление грязному). В наших материалах этот признак встретился только в архаизированных заглавиях «Белая горница» и «Белая изба»; вообще же в языке он продолжает существовать [2, с. 22—26]. Второй признак — «свободный от греха» — в наших материалах отсутствует, но вообще в языке, по-видимому, существует. Характерна строчка из С. Есенина — «Розу белую с черною жабой Я хотел на земле повенчать». Здесь реализуется очень сходная коннотация, хотя по условиям времени выдвигается скорее нравственная, чем религиозная сторона. Легко заметить, однако, что выражение этих коннотаций не полностью самостоятельно: важную роль в их реализации играют опорные существительные («роза» и «жаба»). Третий признак — «красивый» — реализуется значительно слабее, чем в древне-

---

¹ Примеры из переводов — с бурятского, далее с башкирского — не нарушают логики рассуждений: это или проявление семантической универсалии, или влияние русского языка.

русском языке. Ни в наших материалах, ни вообще в русском литературном языке нет ничего похожего на древнее сочетание «бел и леп». Тем не менее, он имплицитно существует в сочетаниях, выражающих нечто красивое — птиц, облака, цветы и т. п.: «белые лебеди», «белые птицы», «белые облака», «белая береза», «белые флоксы», «белые зори» и мн. др. Очень интересно и богато оттенками сочетание «белая ночь (белые ночи)». В нашем материале такое заглавие повторяется многократно: «белая ночь» — два раза (стихи), «белые ночи» (иногда с добавлением других слов) — 15 раз (стихи, два рассказа). Повторяемость словосочетания, прежде всего в стихах, указывает на его яркую эмоциональную окраску. Очевидно, передается красота самого природного явления, а также красота Ленинграда (выделенная общественным сознанием с пушкинских времен).

Строго говоря, новых положительных коннотаций для *белый* в системе языка не возникает, но в новых контекстах они обогащаются новыми оттенками. Так, «белая береза» выступает как символ России, образ «белых лебедей» может быть связан с красотой природы и необходимостью ее защиты.

Слово *черный* сохраняет свои отрицательные коннотации, но с некоторыми изменениями. Религиозное употребление — с оттенком или в смысле «бесовский, дьявольский» — из литературного языка исчезает. Возникают и утверждаются признаки, выраженные в переносных значениях «отрицательный, плохой», «горестный, безрадостный, тяжелый, мрачный», «злостный, коварный, преступный»; обычно эти признаки сочетаются и с денотативным образом черного цвета. Примеров такого рода в собранных нами материалах достаточно, например, «черная неблагодарность», «черная душа», не говоря уже о сочетаниях «черное и белое», «белое и черное»; коннотация меньше заслоняет денотат в таких сочетаниях, как «черные тени», «черные птицы».

Новым является синестетическое употребление слов. Это может быть синестезия в узком смысле (характеристика несветовых чувственных восприятий) — «белая тишина», «белые запахи», «черное эхо» — или просто перенос в другие семантические поля с неясной мотивировкой — «белое лето», «белое мгновение», «белое проклятье», «белое счастье».

Особенно интересным представляется нам явление энантиосемии, когда белый и черный как бы меняются местами. В наших материалах находим оксюмороны денотативного характера: «белая сажа», «белая тень», «белая тьма», «черная звезда», «черный свет», «черный снег», «черная молния», «черное солнце» (во всех таких случаях прилагательные коннотированы). Далее, могут «переставиться» и оценочные компоненты — ср. приведенное словосочетание «белое проклятие» или «Черная роза» (стихотворение). Видимо, это явление шире, чем следует из наших материалов; вспомним хотя бы «черный шелк» в стихо-

творениях А. Блока, сопутствующий образам красоты. Правда, это — красота «грешная», метафорически говоря — темная; она возникает в опровержение традиционной оценочной схемы черного и белого (нечто немислимое в древности); к сожалению, у нас нет места, чтобы подробно рассмотреть образы черного, темного, ночи в романтической поэзии.

Явление энантиосемии в семантике белого и черного не ограничивается стилистическими приемами художественных текстов; оно, очевидно, и шире, и, может быть, древнее. Возможно, что это даже семантическая универсалия. Обратимся к мнению В. И. Абаева: «Черный цвет, как известно, ассоциируется с трауром и вообще негативными эмоциями. Но вот в тюркских языках самые чистые и прозрачные родники зовутся *gağa su* — «черная вода». В осетинском выражении *saw İxrrı* «черный молодец» соответствует примерно русскому «добрый молодец». А сколько восторженных строк в стихах и прозе посвящено черным очам!.. Белый цвет, как антагонист черного, должен, казалось бы, иметь сугубо положительную окраску («свет бел, да люди черны»: Даль). Но вот в одном рассказе Василия Шукшина колхозник покупает в городе для жены сапожки. В глазах продавщицы колхозник увидел «белую ненависть»... Странно, что меня как читателя нисколько не удивило парадоксальное, как будто, сочетание «белая ненависть». Напротив, показалось понятным и точным [1, с. 21].

Подводя итог, мы можем сказать, что в диахронии коннотативная оппозиция белого и черного чрезвычайно устойчива; она не ослабевает, а, напротив, усиливается при переходе говорящих от религиозного мировоззрения к рационалистическому пониманию вещей и их отношений. Изменяется зато конкретное содержание коннотационного состава. Наиболее интересной представляется энантиосемия черного и белого, которая отчасти проявляется в денотатах словосочетаний, но, как правило, возникает в области коннотаций. Такое употребление слов *белый* и *черный* возникает на фоне традиционной древней оппозиции белого и черного как добра и зла, воспринимаемая в противоречии ей. Как внутри этой новой оппозиции, так и в прочих случаях появляются новые, разнообразные оттенки значений, в основном (но не всегда) определяемые контекстом; они, с нашей точки зрения, представляют значительный интерес для изучения в лингвистическом и стилистическом планах.

Список использованной литературы

1. Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари//Этимология. — М.: Наука. 1968. — С. 7—27.
2. Алимбиева Р. В. Семантическая структура слова *белый*//Вопросы семантики: Сб. науч. тр./Ленингр. ун-т. — Л., 1976. — Вып. 2 — С. 13—27.
3. Колесов В. В. *Белый*//Русская историческая лексикология и лексикография: Сб. науч. тр./Ленингр. ун-т. — Л., 1983. — С. 8—16.

4. Пелёвина Н. Ф. Коннотация и контекст//Вопросы семантики: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. — Калининград, 1983. — С. 83—88.